

МАКСИМ ПАВЛЕЦКИЙ

ЛЕГЕНДА О БАГУЛЕ

КНИГА ПЕРВАЯ. СТЕПИ В ОГНЕ

Максим Павлецкий

**Легенда о Багуле. Книга
первая. Степи в огне**

«Издательские решения»

Павлецкий М.

Легенда о Багуле. Книга первая. Степи в огне / М. Павлецкий —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856971-5

После кровавого Судного дня, перемоловшего в своих жерновах все наследие человечества, заодно и само население, на территории Забайкальского края, после долгих бандитских междоусобиц, выросших на культурной и национальной неприязни к ближнему, возникает феодальное государство, разделенное на несколько регионов. Столицей же их стал Большой Город.

ISBN 978-5-44-856971-5

© Павлецкий М.
© Издательские решения

Содержание

Часть I Крещеный тайгой	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Легенда о Багуле

Книга первая. Степи в огне

Максим Павлецкий

Редактор Булат Фанавин

© Максим Павлецкий, 2017

ISBN 978-5-4485-6971-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I Крещеный тайгой

Глава 1

Холодными снежными выюгами встречала природа в Забайкалье сентябрь 2028 года. Уже вовсю замело округу снегом, покрыло белокурым одеялом Приграничные степи. Казалось, еще совсем недавно стоял жуткий августовский зной, чередующийся с проливными дождями, но спустя лишь три недели выпала первая порошка, а за ней полетели белые хлопья, закрывая собой бурую землю нагретых солнцем степей. Еще совсем недавно чабаны спокойно пасли отары баранов, а сегодня кудрявые, блеющие, с завитыми рогами животные, под четким надзором бурята пастуха добывают себе пищу, из-под снега выковыривая копытцами травинки.

Агинская степь раскинулась бескрайними просторами, словно подчиняясь широкому взмаху невидимой мозолистой руки Первого Бурята. Разбросанные кругом белые шапочки на гибких стеблях, словно кипы на головах иудеев, создавали великолепные ощущения необъятного пространства и духа свободы, которые так любили местные жители. Война, обрушившаяся где-то там, далеко на западе, словно и не побывала тут, в Агинских степях, а лишь заглянула в гости к крупным городам края, уничтожая их до основания, но почти пощадив селения. Хотя краевому центру досталось прилично, из почти трехсот тысяч человек столицы в живых осталось не более пяти тысяч горожан, которые разбрелись кто куда в поисках нового крова и убежища. Они так бы и разбрелись по краю и аймакам, если бы не новая беда, нагрянувшая из тайги. В тайгу Даурии и Приграничье Амура теперь ход заказан, туда ходили только самые крутые охотники, закаленные в боях с разной нечестью. Попадались и глупцы, которые, полагаясь лишь на свою отвагу и любопытство, без наличия должного опыта выживания в лесу, шли в таежные места, оставляя там свои кости и головы на съедение зверям. Таким, которых до Последней Войны здесь не водилось. Если и были упоминания видоизменившихся после радиоактивного облучения особей – эволюционной насмешки над человеком, возмнившим себя Царем Природы, уничтожившего жизнь на планете – то, скорее всего, они являлись собранием мифов и легенд, гуляющих среди доверчивого народа. Редко кто оставался в живых, заходя за Серую Сопку, с покрытыми седыми иглами соснами на ней, в верховьях реки Нерчи. А если такой и выживал, на свою беду рассказывая свои приключения, то выставлял себя на посмешище в глазах темного, не образованного люда. Однако в подступы тайги не переставали ходить, благо живности, еще не заходя в глубь лесного массива, хватало с избытком для сельского человека, добывающего дичь, шедшую и на мясо, и на чудесной выделки меховые изделия. Как и в довоенные времена, тайга кормила, одевала как простых людей, так и переживших трагедию Большой Войны в огромной стране. Люди в деревне так и жили довольно таки мирной жизнью, как жили их предки до них, как живут они сами сейчас и как будут, вроде бы, жить их дети в ближайшем будущем.

Но не только в тайге окруженные со всех сторон лесом жили забайкальцы. Тут в Агинских степях кочевали представители коренных бурятских родов, побросав оседлое жилье, опасаясь, что не сегодня так завтра в твой дом придет беда с неба, и уже ничто не спасет тебя. Старые люди, чьи предки веками жили кочевой жизнью, пасли свой скот в степи, снова вернулись к прежним истокам, гоня ныне по полям отары баран и табуны лошадей. С успехом доказывая: в степи можно родиться, спокойно жить в окружении душистых трав, укрывшись от бомб и лихих людей, до самой смерти, ничего не боясь. Но и в Большую Степь Агинского края пришла беда, неся на плечах нечисть и грязь, которую трудно описать простому человеку. Невидимая смерть наводила страх в душах коренных жителей Забайкалья. Простой человек, чабан, сейчас спокойно, ни о чем не подозревая, слезая со своего коня, словно с коня самого

Угэдэя, тут же принялся мирно ставить юрту, готовить обед на огне и ждать спокойного течения дня. Мудрый был чабан. Не заметил, однако, блеска любопытных глаз.

Поздняков Андрей Игоревич взирал на все великолепие припорошенных снегом, опустошенных, сопков в степи, широко расставив ноги, посасывая страшно дефицитную, еще фабричного производства и замечательного качества сигарету. Сельские мужики хотя и выращивали дикорастущий табак монгольского сорта, который курила львиная доля населения края, Андрей Игоревич покуривал высоко ценимые сигареты не потому, что они были трофейными и найдены в кармане убитого в практически полной пачке. А потому, что он мог себе позволить попыхивать таким золотом, стоя посреди Агинских степей, наблюдая за окрестностями и с интересом взирая, как чабан поставил к тому моменту юрту, зажег огонь, чему свидетельствовал дым, выходявший из отверстия в крыше, и начал готовить бухлер. Последнего Андрей Игоревич не видел, к сожалению своего желудка, кормившегося одними быстро разогреваемыми сухими пайками и тушеным мясом. Продуктов и вообще провизии в целом в палатке оставалось еще на неделю с небольшим. Человек не военный, не познавший на своем опыте суровой романтики армейской жизни, давно бы уже завыл от однообразия пищи и ушел бы в деревню рубить головы курам, лишая единственного хозяйства бедных крестьян. Курильщик имел другие навыки.

Андрей Игоревич, докурив сигарету, все же пошел выполнять то, ради чего он вышел из палатки, а именно кормить ездовых собак объедками завтрака, жирно притравливая корм тушеной говядиной. Дюжина хаски тут же бросилась опустошать ящик из-под снарядов, приспособленный под собачью кормушку, вылизывая до пропитанной солидолом древесины, после, бодро виляя хвостами, принялась ласкаться у ног хозяина и запрыгивать ему на грудь передними лапами, высунув язык из довольной морды.

– Так, все, прекращайте! – скомандовал Андрей Игоревич, немного поиграв с ездовыми собаками как ребенок, потеряв терпение, и принялся распинывать тех, кого он приручил, специально целясь обшарпанным носком берца псам под брюхо. Те жалобно повизгивая, слегка поджав хвосты, грустно и боязно озирались на внезапно изменившегося человека, повадки которого были не всегда понятны зверю. То он веселый, пахнувший резким, но потом приятным расслабляющим запахом, мог практически полдня проваливаться в снег, играя как ненасытное дитя с собаками. То он сухо и без лишнего ребячества вываливал в кормушку кастрюлю отходов, а потом дышал горьким противным воздухом, даже не погладив ни одного. Все же странный был этот человек, хоть и щедро кормивший, думалось жожакам упряжек.

Сытые собаки лениво посапывали, развалившись прямо на снегу. Андрей Игоревич, удовлетворившись видом ездовых, принялся проверять их привязи, которые крепились на вбитых в землю кольях. Заменял одну веревку у пытающегося освободиться прошлой ночью пса и начал еще раз перекладывать пожитки в санях, а вернее сказать все то, что могло пригодиться в безжалостной зимней степи. Сопки у горизонта словно белым пухом укрылись облаками за предыдущую неделю пути.

Расчехлив бинокль, сверяясь с картой и компасом, Андрей Игоревич сделал какие-то пометки корявым почерком в тетради. Затем всё из того же любопытства стал наблюдать через окуляры за спокойной жизнью кочевого человека, живущего в степи. Чабан расхаживал в верблюжьем одеянии, ловко растопыривая ноги, обутые в ичиги; напоил двумя ведрами талой воды коня и принялся кормить собаку. Здоровенная овчарка банхар, в половину роста лошади, с расстояния в километр от места дислокации палатки напоминала Андрею Игоревичу медвежонка. В прошлом слесарь по специальности и собаковед по призванию, военный человек по роду деятельности с тоской наблюдая за повадками этой монгольской породы, четвероного друга коренного жителя Забайкалья, грустными глазами посмотрел на ленивых и довольных своей жизнью хаски. Харкнув в снег, военный поправил балаклаву белого цвета, свернутую на макушке в тубитейку, и вернулся в палатку.

– Говорил же, что сегодня юрту поставит, – снимая берцы и массирующими движениями принявшись разминать затекшие от неудобной обуви ноги, сказал Андрей Игоревич, обращаясь к молчавшему у буржуйки истопнику, – К нему еще утром сыновья приезжали, на верблюдах, юрту привезли, да так кое-что по мелочи. Так что, гоните, товарищ майор, косяк!

– В Большом Городе отдам. С собой нету, – отозвался на законное требование Сергей Олегович, старше капитана всего на год. Тот уже принялся раздеваться до трусов и, оккупировав умывальник из пятилитровой бутылки и гвоздя с затычкой, занялся дезинфекцией тела, намыливаясь куском хозяйственного мыла. Начисто смыв с себя радиационную пыль (хотя уровень фона и не превышал допустимой нормы в 0,3 микрозиверта, что соответствует 30 микрорентгенам в час, то есть допустимому уровню облучения радиацией снега), Андрей Игоревич, насухо вытерся вафельным полотенцем. Всё так же в трусах и майке с камуфляжным рисунком занялся мытьем посуды в мыльной воде, в которую он заблаговременно настругал стружку от обмылка. Выскоблив начисто присохшую грязь и остатки еды, Андрей Игоревич еще раз тщательно вымыл руки, но на этот раз уже с дегтярным мылом. После принялся скоблить щетину бритвенным станком со сменным лезвием, прежде обильно распарив лицо горячей водой и намылив пеной.

– Когда выходим? – приводя в порядок растительность на скулах, спросил Андрей Игоревич у своего начальника, доламывающего на тот момент длинный ящик из-под реактивной ракеты для «Град». Открыв дверцу самодельной печки буржуйки, жар от которой заставлял обоих офицеров без всякого стеснения щеголяли в одних трусах и резиновых шлепках на босу ногу, Сергей Олегович подбросил в огонь несколько деревянных обломков с гвоздями.

– Брейся пока, потом оружие прочисти, и можешь спать. Сегодня ночью выступаем. – сказал майор своему практически однокласснику капитану и продолжил, – Только когда спать будешь, сильно не усердствуй, когда о бабах думаешь. Раздражает.

Облученный приличной дозой радиации в районе леса пушистых елей и сосен с седыми иголками — очаровательного места Северной Тайги – Сергей Олегович надышался воздухом, пропитанным стронцием-90 и цезием-137, у которых период полураспада примерно одинаков, получил рак легких и до рвоты не выносил, когда рядом кто-то курил. Обильно пропитанный нуклеотидами майор к тому же лишился мужской силы, заработал импотенцию и стал малопривлекательным для женщин.

Расстелив на ящике-столе, перевернутом вверх дном, чисто выстиранную простынь, Андрей Игоревич принялся поочередно, аккуратно и без лишней спешки разбирать свой АК-74М. Разобрав его практически до основания, чистюля Андрей Игоревич прочистил специальными щетками из пенала каждое отверстие, куда только мог добраться, вычищая грязь на стол. Протерев более грубые части автомата, он принялся смазывать каждую задействованную при стрельбе деталь специальной ружейной смазкой, периодически проверяя на жесткость и мягкость хода боёк, взаимодействия спускового курка и пружины, а также прочих частей оружия. Удовлетворившись работой узлов трофейного АК-74м, Андрей Игоревич собрал автомат в обратном порядке, нацепил на него обвесы: прицел ПСО-1, подствольный гранатомет ГП-25 и глушитель ПБС на дуло. Еще больше радуясь проделанной работой и довольный собой, Андрей Игоревич, не торопясь, но все же быстро собрался проверить лающих собак, а заодно покурить после кропотливой работы. Метрах в десяти от палатки стоял на задних лапах толстенный и пушистый суслик монгольских степей. Андрей Игоревич, сидя на корточках, все так же в одних трусах, но с накинута на плечи белоснежной верхней частью комбинезона, с погоном на груди и замазанными белой краской звездами, наблюдал за до боли милым созданием. Сделав тяжелый вздох, Андрей Игоревич докурил сигарету и, зайдя в палатку, подошел к собранному автомату, снял с предохранителя, передернул затвор, загнав патрон в патронник, вышел и стал высматривать в прицел свою жертву. Присев на колено, опираясь ногой в снег, со слегка подрагивающей мышцами раненной в предплечье руки, обмотанной эластич-

ным бинтом, Андрей Игоревич, прижав приклад оружия, выстрелил глухим хлопком, скорее напоминающий скрежет, повалил зверька, находившегося уже в пятидесяти метрах от прежней стойки.

Зайдя в палатку, он положил тарбагана в чистую кастрюлю. За процедурой внимательно проследил наблюдательный Сергей Олегович.

– Вот не можешь ты без этого, – бурчал майор, принявшись аккуратно разделять, больше напоминающего перекормленного зайца зверька, ловко орудуя армейским ножом с широким лезвием. Распотрошив тарбагана и выбросив потроха и голову в отдельную кастрюлю для отходов, Сергей Олегович беззаботно освежевал зверька, из шкуры которого позже намеревался сделать чехлы для своей и капитанской фляг. Когда Сергей Олегович закончил с разделкой тушки, Андрей Игоревич вынес потроха собакам, как всегда довольным всем и вся, вернулся в который раз за утро в палатку и продолжил разборку и чистку поистине мирового шедевра концерна Калашникова, принадлежавшего майору. Самозарядный карабин «Сайга» МК-107/АК-15 с планкой Пикатини для установки коллиматорного прицела, с облегченной, такой же новой разработки цевьем, с установленной эргономической рукоятью, а также телескопический приклад с регулируемыми длиной и высотой, для Андрея Игоревича являлся настоящим сокровищем. Капитан мечтал сходить когда-нибудь на большего зверя в Северную Тайгу или Восточную Даурию. Окончив разбор и прочистку с тщательной смазкой «Сайги», а также сборку карабина, Андрей Игоревич изволил почивать на раскладной кровати, дочитав предпоследнюю главу «Книги Пяти колец» в оригинале (на японском). Засунул крепким сном бойца.

Сергей Олегович, уже промыв основательно окровавленное мясо, приступил к рубке костей, хребта и ребер, после чего уложил кусочки мяса в ведро с теплой водой, для отмачивания. По окончании разделки майор перешел к наведению порядка в помещении, гуляя с веником по деревянному настилу. Закончив уборку, Сергей Олегович еще раз проверил смазку и ход затворов оружия, и, недолго думая, принялся прочищать свой табельный «Glock-17» с установленными 2ПС и ЛЦУ «Клещ мини». Покончив со своим пистолетом, майор принялся за пистолет капитана, за ОЦ-27 «Бердыш» с установленным глушителем. Вздыхнув, Сергей Олегович окинул взором наведенный в расположении группы разведчиков порядок. Двуместная брезентовая палатка обогревалась буржуйкой, сделанной из ржавой бочки, поставленной дырявым дном на жаростойкие белые кирпичи вместо поддувала. Чистота стояла в расположении предельная.

Украдкой, пока спит капитан, майор вытащил из золотой пачки одну сигарету, хотя заранее знал к чему приведет его затея. Прикурив самодельной зажигалкой, сделанной каким-то мастером из обоймы АПС, с мелкой гайкой и газовой автогенной горелкой на макушке, Сергей Олегович прижег горячим воздухом сигарету и легонько затянулся. После половины, выкуренной не в затяг сигаретки, майор почувствовал, что ему нехорошо и с пробивающимся кашлем он бросился в отхожую, где его обильно прорвало, прополоскав горло и рот остатками завтрака, после чего он выбросил тут же окурки.

– Покурил, бляха муха! – выругавшись, подытожил майор, заходя в палатку, принявшись за готовку обеда.

Андрей, еще молодой красивый, белобрысый парень, с еще не пробившимися волосками на лице, лихо косил сочную, покрытую блестящими капельками росы зеленку, пахнущую мятыми степными травами. Вот уже тетя Тамара зовет мужиков с работы обедать и вот он стол, уставленный алюминиевыми тарелками со свежими, парящимися щами, банкой сметаны, разлитым по стаканам крепким беленым молоком чаем, черным хлебом, разрезанным по-деревенски и зелень с репчатым луком. Мясо на столе было редкостью. Мухи и пауты вмиг осаждали обеденный стол, а люди, уставшие после тяжелого утреннего сенокоса, лениво отгоняли настырных насекомых, изредка вылавливая их в супе или стаканах. Но обед – дело всегда хорошее,

а курево у мужиков – это святое, особенно после сытного обеда. Кругом тогда стояла летняя благодать...

– Капитан Поздняков, подъем! – шутиливо скомандовал майор, – Форма одежды свободная, обед готов!

На импровизированном столе, сколоченном из остатков ящиков, разнося по палатке феевичный аромат, стояли два блюда в пластиковых одноразовых тарелочках. Гречневая каша с подливом из томатного соуса, с обваренными умелой рукой заботливого повара Сергея Олеговича лапками тарбагана и покрытое все это зеленым горошком, вмиг оказались во рту Андрея Игоревича. На полу стояли две надорванные коробки армейских сухих пайков, добытые ими в развалинах забытых складов бывшей столицы Забайкальского края.

Пообедав, как и полагается, капитан вышел еще раз покурить, но на этот раз – с автоматом на шее, осмотрел в оптику прицела окрестности и, обнаружив пустую юрту чабана, а вдалеке – пасущееся стадо с самим пастухом, Андрей Игоревич, облегченно выдохнув, вернулся в палатку и начал колдовать над военного образца картой. Контрольный раз сверившись с заметками в тетради, он радостно пошел кормить собак обедом.

– Сутки ходу, не больше, – отрапортовал по возвращении Андрей Игоревич майору, лежавшему на своей сетчатой кровати и читающего местную тонкую газетенку краевых новостей и событий, состоявших зачастую из сухих криминальных сводок.

Примечание.

банхар – порода крупных монгольских собак;

бухлер – национальная бурятская еда, вкусный суп с большим количества мяса, картошки, лука.

Глава 2

Егор Николаевич, в селе более известный как просто дед Егор, встал сегодня действительно рано, не позднее семи часов, и успел уже истопить русскую печь, приготовить еду из скромной овощной пищи, и от нечего делать занялся штопаньем валенок внука. Всю жизнь прожив в этом доме, сразу после того как вернулся из Афганистана, дед Егор вырастил в нем сына Колю, успевшего повоевать в обеих чеченских компаниях на Кавказе, и после относительно не долгого его хождения по земле, а именно тридцать семь лет, схоронил его. Жена Николая тут же вышла за кого-то замуж и уехала на запад, бросив внука Данилу еще до Войны. Позднее на покой ушла и супруга Ефросинья. Так и зажил дед, хотя и был овдовевший, тихой и мирной жизнью счастливого старика, находившего свою отраду и утешение во внуке.

Практически сразу после похорон жены Ефросиньи Егор Николаевич водрузил на свои уже дряхлые и сухие плечи все хозяйство, состоящее из небольшого огорода с грядками. Засыпанная снегом земля не давала покоя старику, с детства приученному к ручному труду, и в зимнее время, тоскуя, не зная, чем себя занять, дед занимался мелкими делами по дому. Починив подошву прохудившегося валенка, Егор Николаевич внимательно осмотрел второй обувок. Приняв решение, что левый валенок в порядке и не нуждается в ремонте, Егор Николаевич поставил обувь осиротевшего внука Данилы, похоронившего еще мальчишкой отца алкоголика, и потеряв без вести мать, пропавшую сразу же после похорон мужа. Сняв очки с носа, дед Егор принялся набивать крепким самосадом, монгольского происхождения табаком свою деревянную трубку, с прожженными точками по краям – числом побежденных противников в одном из боев в ущелье Центральной Азиатской Республики Афганистан.

Сладко покуривая горьким дымком, Егор Николаевич не заметил, как стал дремать, а вскоре вовсе уснул так и сидя на стуле, выронив изо рта курительную трубку. Так спавший дедуля, мило похрапывая во сне не сразу разобравшись в чем дело, проснулся от звука дребезжащего стекла в раме и поднял трубку с высыпавшимся на ковер жженым табаком. Стучались со стороны палисадника.

– Кого еще там леший принес в такую рань? – недовольный просыпанным мусором на полу бурчал дед, — Может Данилка с солонцов вернулся? Да тот бы через ограду перелез и сам бы калитку открыл. Да и раньше пятницы он не заявится. Это что получается: после завтра? – разговаривая сам с собой, Егор Николаевич глянул на обрывной календарь местной типографии, висевший на стене.

– Да иду! – пропихивая больные ноги в валенки и одевая старый тулуп, пробурчал дед, выходя в сени. Со стороны ворот слышался собачий лай и повизгивание. Проспавший петух мигом встрепенулся и прогорланил свое фирменное «Кукареку!», разбудил дремавших насекомых, которых в курятнике насчитывалось около дюжины. На звуки петуха незваные псы еще больше залились лаем, но так как до деревни было добрых три километра, а изба и участок находились в чистом поле, лай был просто бесполезным звуком, раздражавший людей у ворот.

Все же Забайкальский хутор не похож на Донские хутора. Большая и красивая изба, покрытая оливковой краской на стенах, украшенная резными ставнями и натянувшая на свою макушку серый шифер, простой деревянный дом, нежно греющийся в лучах алой зари. Непосвященному человеку могло даже показаться, что дом и хозяйство, огороженные ровным штакетником по фасаду и жердями в огороде, были оставлены исчезнувшей деревней.словно вся деревня, переселившись на другое место, забыла один дом. Но он тут стоял вовсе неспроста.

– Ну, кто там, Данилка ты что ли? – открывая ворота с железным засовом, отворяя калитку, спросил Егор Николаевич. У ворот стояли две одинаковые мужские фигуры, облачение в белые зимние комбинезоны, которые до войны предпочитали носить разведчики спецслужб.

Лица обоих военных были спрятаны под глазастыми балаклавами, такого же белого цвета, как снежный саван до самого горизонта.

Кое-как разглядев на фальшпагонах белые звезды майора и капитана, Егор Николаевич понял, что перед ним люди серьезные.

– Семенов Егор Николаевич? – обратился к старику майор, заглядывая на оттиск советского образца военного билета, сверяясь с какой-то пожелтевшей от времени бумагой. На документе были нанесены: прописной текст, синяя круглая печать в виде окантованного национального орнамента «Хатар Угаза» и по краям – рисунок гор с восходящим солнцем, с колосьями пшеницы, обвитой четырьмя с каждой стороны белыми (по числу бурятских родов) витками национальной ленты. Андрей Николаевич тем временем был занят привязкой загнанных до вылетающего из груди сердца собак к изгороди палисадника.

– Да, он самый. А вы ребята, собственно, кто будете? – полюбопытствовал дед Егор, уже почувствовав мгновения страха. Каким-то инстинктивным чутьем, а может даже мудростью, которой славился дед в здешних местах, старик понимал, что пришли к нему не из местной округи, а что приехали издалека, причем на собаках, и что дело к Егору Николаевичу у них действительно серьезное.

– Отец,пусти нас в избу, мы свои! – Демонстрируя повисший на шее автомат, произнес Андрей Николаевич. Майор тем временем еще раз пересмотрел карту довоенных лет, сверился с координатами на документе и со спокойной душой выдохнул:

– Точно тут. Батя,пусти по-хорошему, свои мы, с Агинских степей мы, – упаковывая бумаги в полевую сумку, сказал Сергей Олегович, – Пустибатя в дом, мы с дороги и голодные, как черти.

– Так бы и сказали сразу, что агинчане, со степей. Это что же, вы на собаках да на лыжах сюда прямо добирались? – уже более спокойно заговорил дед Егор.

– Вообще то, мы из Внутренней Монголии, почти месяц по степям ползаем, всё тебя, отец, ищем, —проходя в сени, проговорился капитан, на что Сергей Олегович покрутил пальцем у виска, словно намекая или донося мысль Андрею Игоревичу. Уже довольно плохо слышавший Егор Николаевич так и не расслышал последнюю фразу, поплелся, хрустя валенками по снегу, за своими довольно-таки наглыми незванными гостями, которых дед не в силах был бы прогнать.

– Чудна у меня форма, сынки, – приготавливая завтрак, разливая подобие борща по тарелкам (все-таки старость брала свое, и изысканных вкусов в доме давно не видели, довольствовавшись бурдой из овощей), любезно произнес Егор Николаевич. Офицеры, усевшись за стол в большем зале, принялись стучать ложками, при этом успевая закусывать ржаным хлебом с отрубями, который дед, иногда замочив в квасе собственного производства и сушил, позже похрустывая вкусными сухарями с крепким чаем. Еще в сенях снявшие, как и положено при входе в дом, головные уборы, без комбенизонов, в одних белых кителях военные за столом набрасывались на простую деревенскую еду, скромную, но сытную.

– Может, еще добавки? – поинтересовался дед Егор, видя здоровый аппетит мужиков, годившихся ему в сыновья. Он на мгновение даже вспомнил покойного сына, пришедшего с войны контуженым и найдя свою кончину на дне бутылки.

– Нет, нет, спасибо отец! – Практически в один голос произнесли обедавшие мужчины, иногда поглядывая на скудную обстановку в избе. Напротив стола, у стены, украшенной красивым ковром с таежным сюжетом в виде рисунка охоты, стояла кровать супруги Егора Николаевича. Впереди подпирая печку находилась кровать самого деда Егора. Обе кровати были заправлены красивыми покрывалами зеленого цвета с чудными узорами. По праву руку от майора, так же возле стены между окон, выходявших во двор расположился диван Данилы, заправленный по-военному аскетичным синим одеялом с полосами у края и подровненной табуретом подушкой. Позади сидевших офицеров был расположен буфет для посуды, уставленный изыс-

канными образцами редкостей. В красном углу, по леву сторону от печи и входа, стояли икона Богородицы с младенцем Христом, образ Спасителя с заповедями в руке, и лик Николая Чудотворца. Правый угол занимала массивная советская радиолa, которая давно не ловила ни одну радиостанцию, несмотря на все тщетные попытки Данилы услышать людей из других городов. Иногда выход в мир все же происходил, когда ловились обрывки шипения и переговоров местных военных на УКВ, но чаще всего приемник использовали как проигрыватель, особенно в тихие, одиночные зимние вечера, слушая музыку как времен расцвета СССР, так и периода упадка и развала могущественной страны. Последние пластинки, времен Перестройки, особенно любил и бережно хранил Данила.

Осмотрев комнату, зорким взглядом снайпера, Андрей Игоревич обратился к старику.

– Так значит, один ты живешь, отец? – с позволения деда Егора закурил и продолжил капитан, – Ни жены, ни детей, ни родных?

Старик относивший посуду на кухню, в то время, когда майор сидя на Даниловом диване принялся рассматривать его сокровенные виниловые записи 1980-1990-х годов, спрятавшись от дыма сигареты, а дед Егор погрузился.

– Сына уже пятнадцать лет как нету. Пришел он с Чечни больной на всю голову. Контуженый. Бывало, ночью соскочит с кровати, хватает Данилку, внучка моего, еще совсем ребенка, малым когда тот еще был, и в окно кидается. Два раза так бегал от духов, как он сам мне говорил. Потом мы с ним рамы вставляли, по весне получается, это было тогда. Невестка моя не выдержала, собралась и уехала на запад, вроде бы замуж вышла, не помню. Еще до бомб было. А Данилка на мне да бабке остался, от Коли вообще практически никакого воспитания и заботы парень не видел. Бил его часто. Благо еще парнишка смывленный да уж слишком умный, в меня видать пошел, – усаживаясь за чисто убраный стол, дед Егор, заливаясь гордостью за внука, продолжил, – Ему же всего десяток годков было, когда отца его схоронили, а тот спился в усмерть из-за нервов. Да и старуха моя тоже уже почти три года, как померла. Так что, вдвоем мы остались с Данилой. Он сейчас на солонцах, охотится.

– Уж не на Седую ли Сопку пошел? – заискивая, спросил любитель послушать рассказы простых людей Андрей Игоревич, облокотившись на руку, внимательно смотря на старика.

– Да, какое там, – вытряхивая прогоревший пепел и вычищая трубку, а затем набивая ее свежим самосадом, отмахнулся дед Егор, – Я ему строго настрого наказал в грязный лес не ходить, за белые бурятские ленты он у меня не заходит. Шаманы же там весь лес считают святым местом, вот и обвязали все окрестности лентами, так сказать, пометили все сорок квадратных километров по кругу. Видимо забросили туда что-то, от чего аж весь сосняк побелел иглами, а дальше седого леса вообще страшно заходить.

– Старого Хозяина видел, а отец? – развешивая уши, падкий на деревенские байки допытывался Андрей Игоревич.

– Видел один раз, да рассказывать не буду, у мужиков в селе соседнем спросите, – уже пыхтя трубкой, отуманенный дымом произнес дед Егор, – Это еще благо – нынче снега в тайге много будет. Спать Хозяину в теплой берлоге. Уж небось, нагулял да поднабрал жирку за весну да лето. Может, Данилка в этот раз углядит где его.

– А когда, говоришь, он придет? – неожиданно сменив тему, успев вернуться за стол и похлебать крепкого черного чая, спросил Сергей Олегович.

– Он не раньше завтрашнего дня явится. Сынки, если вы к нему пришли, тогда оставайтесь. Кровати есть, переночуете. Куда вам идти то сейчас, да по снегу в буран? В Большой Город, и то вас с вашим мундиром туда вряд ли пустят.

– Отец, ты случаем не в разведке в Афганистане служил? – улыбнулся Андрей Игоревич, поглядывая добрым взглядом на старика.

– Да какое там! Под Кандагаром по ущельям прыгал, ну, да хватит с меня. Ладно мужики, заболтался я чего-то. Скажите лучше, сынки, зачем к старику пожаловали?

– Не можем пока сказать, батя. Найдем – расскажем, не найдем, ну извиняй тогда, – ответил майор и продолжил, – У тебя, батя, подпол или погреб под картошку имеется?

– Так вон он, справа от тебя, сынок. Ковер откинь и крышка будет, сразу увидишь. Так вам, может, картошки набрать, сынки?

– Поздняков, неси инструменты! – не обращая внимания на вопрос старика, открыв крышку подполья и спустившись по широкой лестнице, из-под пола скомандовал Сергей Олегович, и начав расчищать земляной пол от усыпанного картофеля, продолжил, – Батя, а ты завалинку в доме менял? Ремонт там основательный, полы стелил или что-то такое?

– Да нет, сынок, как дом у Витьки Шишмарева купил, так и стоит изба. Белить бы надо бы в этом году. Вот Данилке говорил, пусть из тайги приедет да за побелку возьмется.

– Серега, ты что – этим землю долбить собрался? – разочарованно показывая майору саперные лопатки, пробубнил Андрей Игоревич, с уже одетым и включенным шахтерским фонарем на лбу, и подал керосиновую лампу «летучая мышь».

– Батя, у тебя лопаты простой штыковой или, лучше, ломика не найдется?

– Найдется, – ответил дед Егор, так и сидевший в валенках и овечьем жилете, поверх вязанного собственноручно коричневого свитера, и выйдя в сени, отправился в кладовую на поиски инструментов. Вернувшись, неся в руках лопату и восьмигранный удобный ломим. Егор Николаевич включил свет в зале, так что находившаяся прямо над подпольем лампа накаливания с нацепленным плафоном вмиг осветила рабочих, отбрасывающих землю прямо на картофель.

– Ребята, на картошку-то зачем? – застонал старче, схватившись за сердце, укладывая на пол под руку майора инструменты.

– Не ворчи ты, батя, – взяв в руки штыковую лопату и свесив руки на полу, майор продолжил, смотря пронзающими глазами в лицо старика, – У нас же все данные на тебя имеются, на службу, где до этого жил, работал, учился. Так что, батя, лучше нам сам скажи: находил в подполье что или нет? Ты же, батя, прожил тут почти сорок лет и не знаешь, на чем дом стоит, хм, м-да, – и не дожидаясь ответа на провокационный и интригующий, с долей страха вопрос, майор стал бодрее отгребать землю, все же бросая ее на этот раз в сторону от осеннего урожая, заполнявшего погреб.

Старик ничего не ответил, молча уйдя на кухню, достал из вязаных ивовых ветвей корзины спицы с крючком и принялся довязывать носки внуку, не обращая внимания на хозяйничавших в подполье военных, хотя и слышал их постукивание по земле. Как вдруг послышался гулкий стук лопаты о массивный кусок металла. За ним последовал скрип открывающегося люка, ведущего на лестницу шахты пусковой установки баллистического комплекса Р-17. Внутри шахты располагалась бронированная комната с массивным рулевым засовом, с дверью на уровне груди. За ней был расположен центральный пульт управления пуском ракет. По центру стояло кресло оператора установки, покрытое клеенчатой пленкой, хотя ключа запуска в замке пульта, само собой, не было.

– Доставай свою открывалку, – скомандовал майор Андрею Игоревичу, который являясь славным медвежатником и мастером вскрытия замков, постоянно имел при себе отмычки, открывающие любую дверь, практически любого замкнутого помещения, которое в скором предстояло разграбить. Мародерством в Забайкалье тогда занимались многие, но зачастую обчищали военные склады, базы хранения хозяйственных товаров (одежда, посуда, инструменты и прочие мелочи). Брали всё, что не было прибито, в хозяйстве все годилось. Но в дом к простым деревенским не лезли, по двум причинам: во-первых, брать у самих-то людей было особенно нечего, а во-вторых, незваных гостей могли встретить как пулей СВТ-40, в обиходе «Светлана», или той же «Берданки», так и дробью вертикального двуствольного ружья ТОЗ-34. Присматривали, в основном, брошенные места.

Найденный исправный пульт управления ракетами для военных авантюристов, по сравнению с предыдущими находками для искателей, как таких окрестили в народе, был настоящим Клондайком на берегу Юкона, который в старину был по праву щедрым для североамериканских охотников за приключениями.

– Я пока генераторы проверю, – начав возиться с массивными тушками инверторных генераторов, сказал Сергей Олегович. – Топливо слито!

– Бляха муха! – выругался майор, пока Андрей Игоревич, который осторожно, словно хирург прощупывающий нерв, боясь запустить ракету, хотя электричества и не было в проводах, и уверенность в том, что установка вообще работает, таяла, пытался вставить самодельные отмычки в замок и проверить его.

Выскочив из подпола, едва не сбив деда Егора, уже вовсю сладко посапывающего со спицами в руках, майор, раздетый выбежал в пятнадцатиградусный мороз. Перерыв кверху дном пожитки в обоих саях, попутно дав по морде одному псу, укусившему его за ногу, Сергей Олегович кое-как нашел канистру с десятью литрами бензина АИ-92. Холодная рукоять канистры обжигала льдом голые пальцы. Закрыв дверь в прихожую, Сергей Олегович в два шага пересек кухню и бросился греть замерзшую ладонь у печи. От всего произошедшего дед Егор встрепенулся воробьем и, продрав глаза от спячки и зевая, пугливым голосом спросил:

– Ну что, нашли что искали?

– Да, батя, нашли. Сейчас запускать будем. – Вежливо, разразившись откровенностью, чего никогда не наблюдалось за Сергеем Олеговичем, сказал майор, крикнув последние слова в зал, целясь голосом в подполье.

– Андрюха! Ну, как там у тебя?!

– Готово! – Отозвался голос капитана из-под пола, создавший импровизированный ключ из двух отмычек, воткнутых в замок и обмотанных синей изоляционной лентой ПВХ.

– Что нашли-то, сынки?

– Ракеты, батя, у тебя нашли. Ракеты!

Глава 3

Капли воды от талого снега проникали сквозь крошечную дырку в пропитанном влагой брезенте, падая на шахматную доску и разбиваясь мелкими брызгами, задевая руки играющих. Отполированная древесина игровой, с черно-белыми квадратами доски ярко блестела на солнце. Фигуры Стаунтона были строгими и простыми, какие только можно раздобыть. А вот окантовка самой доски по краям была выполнена в чудесном тибетском мотиве. Приближался эндшпиль. Ход был черных.

Смуглый тунгус, облаченный в зимнюю куртку с роскошным меховым капюшоном, хвостом лисицы лежавшим на плечах, поверх кухлянки к тому же был покрыт разгрузочным жилетом, с красующимся на груди фонарем с ручной динамо зарядкой, а также битком набитыми, всем что только может пригодиться в походе, карманами разгрузки. Поясной ремень был обтянут гордым патронтажем с заряженными в него патронами калибра 12х70 с картечью, а также с болтающимся на левом боку широким охотничьим ножом, который говорил о суровом нраве его владельца. Позади стояла, упираясь стволом во вбитый столб растягивающий брезент, усовершенствованная и модернизированная ТОЗ-34, измененная до такой степени, что кучность стрельбы, а также меткость попадания снарядов были лучше, да и отдача, которой практически не было, скорее напоминала отброс, как у АК-74. Рядом с ружьем, у ног сурового тунгуса, лежал здоровенный походный рюкзак, перевязанный и перетянутый, как только можно, увенчанный на вершине сумки настилом для еды. Тут же покоился баул со спальным мешком. Тунгус пальцем левой руки поправил черное пенсне.

– Зря ты так говоришь про них, – продолжал говорить на бурятском языке игрок черными фигурами, бросив взгляд на стоявший неподалеку автомобильный парк, личный состав которого был занят тем, что покрывал автотранспорт краской, украшая кабины и кузова монгольскими и бурятскими национальными орнаментами, создавая действительно произведения искусства. Воины-буряты, все как один разодетые в синие камуфляжи отрядов ОМОНа, а также черные одежды прочих спецслужб, комбезы которых распределялась по кастовой системе, ловко размахивая баллончиками краски, разрисовывали как легковые, так и грузовые транспортные средства. Работали под звуки и песни национальных напевов, доносимых из кассетного магнитофона, с присоединенными к нему здоровенными сабвуферами, не замечая ни разговора сановных шахматистов, ни их сами, с головой уйдя в творчество.

– Может, это им боевой дух придает. Веру в себя, – продолжил тунгусский охотник, едва не сходяв конем, но быстро опомнился и убрал руку, так и не притронувшись к фигуре.

– Секрет существования в том, чтобы не ведать страха, – ответил игрок белыми шахматами. Покрытый дряблым нарядом рипстопного черного костюма войск специального назначения с налокотниками и наколенниками на частях тела, мужчина с бурым непальским цветом лица, а также завязанным на затылке хвостом волосами, смолю блестящих на свету, с невозмутимостью монаха, покоясь и для просвещения непрерывно наблюдал с жадой интереса, как из бокового кармана рюкзака охотника, набитого мхом, травой и листьями, вылезла ящерка, размером с безымянный палец. Ящерка, сначала понежившись на ласковом солнце, потом ловко взобралась на стол, посмотрела на деревянные разложенные срубленные игроками шахматные фигуры, и осознав, что опасности они не представляют, да и вкус у них не съедобный, очутилась на тыльной стороне ладони своего хозяина. Охотник тунгус равнодушно отнесся к вольности своего друга рептилии. Та же, без лишних колебаний, обвиваясь вокруг руки, забралась под шерстяной воротник, улегшись на плече охотника и укутавшись в ворсе уснула. Монах с доброй улыбкой пронаблюдавши милые движения зверька, принялся проверять тетиву и степень ее натяжения на своем блочном луке.

– Хороший ты человек, если ящерку приручил, однако есть и добрее люди, но если ты плохой человек, то знай, по миру до сих пор ходят более злые люди, – сказал буддист своими мудрыми монашескими мыслями, но внезапно резко сменил тему, осекаясь на охотника. Тот словно обиженно посмотрел на друга, пришедшего из Тибета, через весь Китай и Внутреннюю Монголию, сюда в Забайкальские степи, по всей вероятности, ища мудрости Будды тут. Хотя есть еще две причины, по которым друг отправился в такое далекое странствие: либо он кого-то преследовал на своем пути, либо же от кого-то убегал, прячась в глуши Забайкалья северной страны и потратив несколько лет на этот гигантский марш-бросок.

– Это святой зверь, его не надо трогать, зачем ты на Старого Хозяина собрался идти, на Большой Север, за Дорогу? – спросил монах и, достав буддистские четки, принялся их бесконечно перебирать.

– Я хотел... – внезапно остановился охотник, заметив яркую красноватую-оранжевую полосу на горизонте в небе, оставленную баллистической ракетой. Тунгус быстро извлек из рюкзака половину разобранного или, скорее всего, сломанного кем-то бинокля советского образца Б-13 «Беркут». Не закрывая левого глаза, а к правому приложив дальномер, охотник принялся определять на глаз траекторию и предположительное место падения ракеты. В это самое время опустевший автомобильный парк, где и сидели за столом под брезентовой крышей игроки, образовалась тишина, и звуки нажевывающие магнитофоном с мини кассеты, вдруг резко сменились ревом сирены. В воздухе гудела тревога. Как и охотник, монах хладнокровно переглянулся через плечо, и все так же невозможно вернулся к игре.

– В километрах сорока отсюда падать будет. В Агинские степи целит. Со стороны Большого Города летит. Зачем им сейчас ссориться с бурятами? Столько веков мирно и дружно жили, столько поколений семей смешанных было, дети общие были, а тут такое. Да уж, – выговорился охотник, переходя на ругательства тунгусского языка и убирая назад в свой рюкзак оптический прибор.

– Если человек сдержан, он не сближается с другим, если цветок сдержан, он не расцветает с приходом весны. Иначе вчерашний друг сегодня станет врагом, а вчерашний цветок – сегодня пеплом. – Даосский монах выдал истину.

– Да уж, отчаливать надо, – пожав руку на прощание буддисту, охотник забросил за спину походный рюкзак, повесив на плечо ружье дулом вниз. Тунгус свистнул дежурному по автопарку, выглядывающему из-под колес «КамАЗа» на полет ракеты, в то время, когда остальной личной состав, побросав всё по приказу старшего по званию, лежал, уткнувшись лицом в талую грязь.

– Фьють! Командир, она в Агинские степи летит! Приказывай, пусть бойцы со снега поднимаются, еще переболеют все.

– Бойцы, вольно! В расположение и на построение на центральном проходе бегом марш! – скомандовал бурят в звании старшего лейтенанта автомобильных войск края.

Данила вернулся с охоты домой, как и было оговорено с дедом, на следующий день ближе к обеду. Полностью открыв ворота, он закатил в ограду отцовский «Урал», в люльке которого, а если быть точнее в деревянном коробе, лежала туша убитого изюбра, покрытая брезентовой тканью и обвязанная веревками. Поставив мотоцикл в гараж, где так же мирно отдыхал хранившийся там хороший и легкий «Минск», на котором уж больно любил парень полихачить в деревне, Данила вытащил трофей и аккуратно положил его на снег. Покричав деда Егора и не дождавшись ответа, Данила сам отправился в избу.

«Спит, наверное, старый», – подумал Данила, вытирая ноги о коврик на крыльце.

– Деда! – крикнул Данила на весь дом в ужасе. Перед ним действительно предстала страшная картина. Егор Николаевич лежал ничком, уткнувшись в окровавленный стол, слегка повернув лицо на бок. Из рта текла уже засыхавшая струйка крови. На груди деда Егора было

большое пятно бурого цвета. Данила не сразу сообразил, в чем это он был одет, ибо китель с боевыми медалями и Героем, а также погонами лейтенанта, он видел уже давно, когда дед показывал его, только что осиротевшему, еще совсем мальчишке внуку, и говорил о какой-то странной войне в каком-то далеком Афганистане. Тогда он не придал особого значения форме, да и сейчас было не понятно, для чего это он вырядился.

Самоубийство? Конечно, другого человека смерть спившегося психически больного сына, а также кончина жены могли бы свести в могилу, но только не сибиряка и уже, тем более, не забайкальца. Народ, проживающий здесь долго, постоянно терпя невзгоды и лишения разной формы проявления, на протяжении поколений закалял твердость духа и характера. Поэтому для Забайкалья Большая Война не была большим потрясением.

Геополитика края сложилась таким образом, что он был разделен на три субъекта по водосборам рек, впадающим в определенные природные водные бассейны, а именно: Прибайкалье на западе, с реками Даурии, впадающими в священное озеро Байкал, регионом с притоками реки Лена на территории Севера края, районом, довольно-таки спокойно перенесшим ужасы Апокалипсиса без особых происшествий, за исключением гольца Чингикана, покрытого седым лесом, которой так и прозвали в народе – Седая Сопка. Был еще и третий регион, с центром, расположенным прямо в сердце края, и прозвали его Большим Городом со своей Цитаделью ракушкой, в которой он спал. Вокруг Города разбросаны были префектуры городков и поселков, а сама же новая столица края вела обширную торговлю со всеми, с каждым годом все больше обрастая жирком. Формально всем краем руководило правительство Большого Города, но по факту за пределами своего панциря горожане и не ведали, что там происходит.

Обходились обрывками новостей от караванщиков, возивших на гражданских и армейских модификациях «КамАЗов» и «Уралов» строительные материалы со всего края, а также мясо из тайги, крупнорогатого скота и простой домашней животины, и деликатесного байкальского омуля. Последний считался чуть ли не царской рыбой. Каждый частный торговец, везущий в Город товар, к примеру, как собирался сделать Данила, должен купить торговую лицензию с определенным сроком действия, а также специальный пропуск. Оба документа оплачивались заранее и по усмотрению торговца, на различное количество дней, в рамках которых он мог спокойно передвигаться по территории Большого Города. К тому же лицензия вскоре окупалась. Но уж, если иногородний изволил стать гражданином Большого Города, то ему следует получить паспорт нового образца, а также обязательное устройство на работу, либо же на службу по контракту в войска края. Нахлебников не особо то жаловали в Городе. Данила тоже на днях сделал паспорт, нашел жилой угол на восточной окраине города, в палаточном городке, с высоты птичьего полета напоминающего коралловый нарост, и даже переселился туда с женой и приемным сыном, а потом отправился в Северную тайгу за добычей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.